Мой ответ на статью Т. Кириллиной «Редуцированное христианство: роман Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» как зеркало российской интеллигенции...»

Мне не приходилось писать ни восторженных, ни хулительных отзывов на роман «Даниэль Штайн, переводчик», но не откликнуться на эту статью я просто не смогу. И не с позиции знатока православия или иудаизма либо почитателя творчества Людмилы Улицкой, а человека, старающегося свою жизнь править по-христиански. Я не отношусь в полукультурной интеллигенции, к которой Татьяна Кириллина отнесла Владимира Семеновича Высоцкого, в лучшем случае я — интеллигенция вовсе некультурная. Опыт моей христианской жизни тоже крайне мал, я двадцать лет как крещена и только пять как стараюсь жить вместе со своей церковью. Поэтому я даже очень сомневаюсь: называть себя воцерковленной или так, слабо примазывающейся. Но для меня лично очень важно то, что какой бы ярлык не приклеивали ко мне или к кому-то еще, есть Тот, кто таких ярлыков не приклеивал и других учил этого не делать, — в Него и верую.

О книге. «Странная картина представилась автору — это была экранизация его произведения». Немного перефразируя эту шутку, можно сказать, что более странной картины, чем пересказ литературного произведения, и присниться не может. В лучшем случае что может случиться при таком пересказе — это убийство идеи текста. У Т. Кириллиной очень интересно расставлены акценты; выхвачены одни моменты и совершенно нет других. Дабы и самой не впадать в этот грех, не буду даже примеров приводить. Пусть пытливый читатель сам откроет книгу и сам ее прочтет. Единственное, что действительно может произойти при пересказе (что, собственно, и произошло у Кириллиной и произойдет у меня, пустись я в пересказ) — это отражение авторской личностной позиции, ее проекция на произведение. Каждый увидит в нем свое, и может быть, это свое неожиданно совпадет с идеей самого текста — такое бывает.

В статье о книге. Постараюсь кратко и как можно более четко обозначить основные пункты, по которым Т. Кириллина проходит в своей статье, дабы сделать для читателя понятным то, о чем буду говорить далее: неверие в догмат о Святой Троице, постановка под сомнение непорочного зачатия, снисходительность к страшным грехам (самоубийству, блуду), отмена всякой системы координат. Все это в совокупности и каждый пункт в отдельности — не что иное (по моему субъективному мнению) как фарисейство чистой воды. У Ларса фон Триера есть замечательный фильм «Рассекая волны», настойчиво просящийся ко мне на память сейчас. Главная героиня этого фильма тоже верит как-то уж очень странно, с точки зрения своей общины. Положено ходить в церковь и молча молиться, а она как-то не так все делает. И в страшный грех ударяется так неожиданно для всех. И под сомнение ставит то, что нужно любить само по себе Слово, утверждая, что любить нужно конкретного человека. И с системой координат явные проблемы. Вот только спасенный ею муж на фоне всего вышеперечисленного и ее якобы неправильной веры — явное чудо, не поддающееся объяснению с позиций не только обычного человека, но и членов ее общины.

Герой Улицкой тоже не святой. Но и не фарисей, слава Богу. Не запрещает связь с

женатым человеком? А вы много знаете случаев, когда запреты что-то решали? Мой личный опыт говорит об обратном. Хочешь навредить дочери — скажи ей, что с этим мальчиком встречаться нельзя. Начнет встречаться тайком и из любопытства. Хочешь вырастить в ней чувство ответственности за свою жизнь и поступки — будь с ней рядом в ее выборах, сумей вовремя заметить опасность и ее предупредить, мудро направить ее собственные размышления.

Однажды на исповеди я говорила о том, что много грешу тем, что ругаюсь с мужем. Я ему говорю, как надо, он меня не слушает, и мы ссоримся. И говорю-то я не какие-нибудь глупости. А говорю, что грех это — жить невенчанными, а он ни в какую. Священник послушал меня и, не давая никаких советов, рассказал мне такую притчу. Когда растет цветок и только завязывается бутон, некоторые маленькие дети стараются ручками его раскрыть, чтобы он быстрее распустился. Этим они губят цветок. Каждый человек как цветок, не надо его принуждать раскрыться раньше, его надо заботливо поливать и удобрять, чтобы он вырос и зацвел.

Я очень благодарна ему за такую помощь и такую заботу обо мне. Я перестала пилить своего мужа, стала больше о нем заботиться, немного больше любить, и мы обвенчались через три года. Он сам предложил обвенчаться (что само по себе было уже маленькое чудо). Хотя, если по-фарисейски посмотреть на ту же ситуацию, то я еще три года грешила блудом, а мой батюшка мне грехи отпускал вместо того, чтобы запретить мне эту греховную связь в соответствии с «системой координат». Только нет здесь ни противоречия, ни отступления со стороны моего батюшки, ни редуцирования христианства под меня, бестолковую. Его задача — помочь мне душу спасти, а не в еще более тяжкий грех впасть. Вот и поливал бережно и удобрял мудростью и любовью своею, пока не дозрели. Для меня эта ситуация еще и другую сторону меня самой показала. Мое собственное фарисейство. Про то, что такое грех блуда, знаю, а как жить с человеком так, чтобы любовью, а не кнутом его и себя от греха спасти — тут вопрос. И только ли строгого соблюдения заповедей требует от меня моя вера или есть что-то более важное, чего я делать не умею и должна научиться...

Приведу слова самого Даниэля Штайна: «Когда я приехал в Израиль, мне было важно понять, во что веровал наш Учитель. И чем более я углублялся в изучение того времени, тем яснее осознавал, что Иисус был настоящим иудеем, который в своей проповеди призывал выполнять заповеди, но считал, что одного исполнения мало, и только любовь — единственный ответ человека Богу, и главное в поведении человека — непричинение зла другому, сострадание и милосердие. Учитель призывал к расширению любви. Он не давал никаких новых догматов, и новизна его учения заключалась в том, что Любовь он ставил выше Закона...» Не знаю, как для вас, уважаемый читатель, но для меня здесь есть ответ на мой вопрос. Я любить-то и не умею. Сострадать не умею, не умею милосердствовать. А законы я знаю замечательно, и требовать от других исполнения тоже могу. Штайн не требует от своей духовной дочери исполнения закона, но он хотя бы старается ей сопереживать и, между прочим, не остается в стороне от событий. А вот сколько молитв читать, как читать, кому правильно исповедоваться, кому неправильно, в какой одежде в храм ходить, в какой не ходить, какую пищу в пост употреблять, какую не употреблять — это и есть формализм, а не любовь к Богу и

людям.

Про «все не так, как надо». Татьяна Кириллина делает вывод, что, прочитав эту книгу, представители нашей интеллигенции решат, что в храм ходить не надо, сами как-нибудь Бога найдем, там все равно все не так, как надо, делают. Скажу в ответ на это, что в храм хожу не к священникам, а к Богу, а то, как там кто и что правильно или не правильно делает, Он и сам разберет и свое решение на этот счет вынесет. И каждому воздаст по его заслугам. Помню также, что и священнослужители не святые, а люди грешные, как и все мы. В ком-то больше от фарисеев, в ком-то от Христа. Кто-то любит, кто-то мзду берет, кто-то последнее с себя снимет и отдаст, как делал Иоанн Кронштадский. Молитвами своего духовного отца и я, грешная, спасаюсь. Прости нам Господи, грешным, нашу неспособность Любить, как Ты это можешь, и научи.

2 февраля 2010 г.